

Глава 1

Харчевня представляла собой всего лишь шатер из вощенной парусины, покосившийся в южную сторону под порывами горного ветра. За грубо сколоченной стойкой стояла женщина с тонкими прозрачными усиками в форме заостренных крылышек. Тии записывали историю ее рода, а на улице спорили мамонтовые дозорные.

— Ты случайно не состоишь в родстве с семьей Дун из Баолия? — спросили Тии. — В голодные годы они отправили несколько своих детей на запад, и у них в семье есть такое же предание об охоте властителя Кана, как то, что ты мне рассказала.

Женщина по имени Дун Чинь нахмурилась, покачала головой, потом пожала плечами.

— Может, и так, — ответила она, — тогда, стало быть, это мои родичи с отцовской стороны, только ведь их чуть не всех сожрало проклятие бродячего пса.

— Постой, а что за?..

Прежде чем Тии успели спросить, а Чинь — ответить, полотнище, заменявшее в шатре дверь, откинулось и вошли двое дозорных. Старший, Хацзюнь, мужчина с глубокими хмурыми морщинами на лице, по северным меркам был рослым и худым. Младшая, Сыюй, была ниже ростом, почти квадратного сложения, с гладким, как прибрежная галька, лицом и блестящими, словно полированное медное зеркало, глазами. На обоих были долгополые овчинные тулупы, меховые унты и мешковатые кожаные штаны, подбитые шелком, — одежда, которую в здешних краях носили практически все. От местных обоих отличали лишь нашитые на плечи спирали из заплетенных рыжих волос.

— Ладно, — сказал старший дозорный, — вопреки всем доводам моего рассудка, а еще потому, что в отличие от большинства южан тебе хватило ума одеться как следует, я решил позволить моей племяннице отвезти тебя через перевал.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

— Пожертвование семян дурмана еще никому не вредило, — жизнерадостно заметила Сьюй, и Ти и понимающе протянули бумажный пакет, набитый мелкими черными семенами. На юге они встречались часто, как гашиш, но выше границы снегов достать их было не просто.

Хацзюнь принял семена, сунул за пазуху и кивнул Сьюй:

— Ладно, чтоб до завтра обернулась туда и обратно, и не болтайся по дороге на стоянках, поняла? Нам надо снова выехать в дозор, и чем раньше, тем лучше, тем более что приближается метель.

Сьюй скорчила гримасу вслед удаляющемуся дяде, подхватила пику и повернулась к Ти.

— Ну что, служитель, готовы в путь?

В тот момент на служителя Ти ничуть не походили. Туго свернутые одеяния темно-синего цвета лежали на дне их единственной сумы. Под капюшоном с ворсистой шерстяной подкладкой обычно бритая голова покрылась короткой и колкой темной порослью. В Поющих Холмах предписания насчет одежды и прочие ограничения были не столь строгими, как у других орденов, но перед возвращением домой Ти понадобится заглянуть в цирюльню.

— Полностью. Скоро выезжаем?

— Раз готовы, тогда прямо сейчас. И если повезет, успеем до темноты добраться до стоянки.

Вслед за Сыюй Тии вышли на сухой жгучий холод и невольно поежились. Ветер вгрызался в кости, вызывал непривычное ощущение болезненности и сонливости, и они поплотнее запахнули свой тулуп.

— А разве вы не должны иметь при себе запоминающую птичку? — спросила Сыюй.

Они шагали по единственной улице поселка между шатких строений. Такие поселки были рассыпаны вдоль всей границы — крошечные, захудалые, выросшие как грибы после дождя пять лет назад, когда здесь обнаружили золото. За три года золотоносная жила иссякла, и теперь все окрестности имели призрачный и запустелый вид.

— Да, у меня есть нэйсинь по имени Почти-Блистательная, — вздохнули Тии. — Сейчас она высиживает кладку, и в любом случае такой холод она бы не вынесла.

Мысленно они вознесли Тысячерукой краткую молитву, прося даровать Почти-Блистательной покой и защиту. В нынешних странствиях Тии мучительно недоставало необычайной памяти нэйсиня, но дело было не только в ней. Без колких замечаний и добрых советов Почти-Блистательной путешествие в большом мире казалось прямо-таки неестественным.

— Надеюсь, когда ее птенцы вырастут, она снова пожелает сопровождать меня. Мы с ней не разлучались с тех самых пор, как мне вручили мое первое предписание.

— Да будет на то воля Повелителя Небес, — откликнулась Сыюй. — Я всегда мечтала увидеть нэйсиня.

Они подошли к загону — грубо сколоченному из дерева, с виду неспособному сдержать даже напор небольшого стада равнодушных валунов. А за тонкими жердями...

Тии и прежде видели их издалека, а благодаря истории северных стран, долгой и богатой событиями, описывать этих существ для обители не было нужды. Однако Тии, разумеется, все равно это сделают.

Мамонты в промерзшем загоне были мелкой породы — ниже ростом, с более тонкими ногами и короткими хоботами, чем их благородная родня. Этот табун принадлежал в основном заводчику, разводившему их на востоке, на одном из тамошних форпостов, и мамонты в нем были большей частью рыжие, и лишь некоторые — с белыми ногами и белым крапом на хохолке шерсти над бровями.

Тии показалось, что на ограду мамонты взирают с добродушной снисходительностью. Даже самый мелкий из них мог бы разметать жерди

в два счета, если бы захотел. Однако они предпочитали вести себя послушно и прилично, дремать стоя и время от времени забрасывать в рот корм, загребая его хоботами из корыт, стоящих под навесом.

Благородные мамонты глубокого ржаво-рыжего окраса, размерами вдвое крупнее этих более пятидесяти лет назад обратили в бегство воинов Аньской империи, но именно малые мамонты завершили начатое их сородичами: они устремились в атаку по заснеженному полю боя, поставив маленькие уши торчком и яростно трубя.

— Не спешите удивляться *этими*, — последнее слово Сьюй выговорила с презрением. — Приберегите восхищение для Пылук.

Она дважды свистнула, и мамонт размером чуть меньше остальных, напористо растолкав маленький табун, направился к Сьюй, ждущей его с распростертыми объятиями. Пылук, как отметили Тии, была темнее остальных, без единого белого пятнышка, с почти черными кончиками длинных шерстинок.

— Вот она, моя крошка. Ведет свой род от сестры великой Хо-шу, — объяснила Сьюй, и подвижный тяжелый хобот Пылук дружески обвился вокруг ее плеч, словно в знак согласия.

— По дороге объяснишь, что это означает, — усмехнулись Тии. — Она красавица.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

— Т-с-с, не хвалите ее при остальных. Они заревнуют и тогда наотрез откажутся слушаться, пока не похвалишь всех. Хвалить мамонта можно, только когда вы с ним наедине и вас никто не слышит.

— Я внесу это в свои записи, а когда вернусь в обитель, эти слова будут переписаны дважды во всех фолиантах, которые хранятся в Поющих Холмах. Так что будь как можно осторожнее в том, что говоришь мне, а не то войдешь в историю как лгунья, — шутливо предупредили Ти́и.

— А кто лжет? Давайте-ка я покажу, как садиться верхом на мамонта, и тогда вам придется представить меня в лучшем свете.

Сьюй вскарабкалась по боку Пылук на спину так стремительно, что поначалу Ти́и решили, будто дозорная просто хваталась за длинную шерсть мамонта и подтягивалась на руках. Но присмотревшись, Ти́и заметили, что с седла на загривке Пылук свисают две кожаных петли — длинная и короткая.

— Рукой за короткую, ногу в длинную, да, вот так, правильно, а теперь ждите пинка.

— Постой, какого пинка?..

Пылук лягнула ногой — довольно бережно для такого крупного животного, — и Ти́и внезапно подбросило вверх, отчего они невольно вскрикнули. Они рухнули бы лицом в густую

шерсть мамонта, но Сьюй схватила их за плечи и затащила наверх.

— Сколько же в тебе силы! — изумились Тии, а Сьюй рассмеялась.

— Много! Я бы поиграла мускулами, да вы все равно не увидите их через тулуп. Ну вот, садитесь, как я...

Спереди на седле торчал вырезанный из кости рог, который Сьюй обхватила согнутой в колене ногой, свесив другую ногу с седла. За ее спиной находился второй рог, покороचे, и Тии неуклюже повторили позу дозорной.

— Только в другую сторону, мы же не хотим, чтобы она накренилась.

Широкое седло помещалось на плечах Пылук, за ее на удивление тонкой шеей. Сесть в это седло ногами врозь было невозможно, так что вся кавалерия северян ездил боком. Тии сменили ногу, и Сьюй пикой с длинным стальным наконечником направила Пылук к окраине поселка.

Пока они ехали мимо шатких строений, Тии поражались тому, как Пылук возвышается над ними. Они сидели не так высоко, как на благородном мамонте, но коньки крыш едва доставали им до коленей, и Тии ощутили, как где-то в глубине живота возникает головокружительная легкость.

— Если будет тошнить, наклонитесь в сторону, — не оглядываясь, предупредила Сьюй. — А то придется вам сегодня вечером вычесывать Пылук.

— Тошнить меня не будет, но все равно покажи, как ее вычесывать, — отозвались Тии. — А со мной все хорошо.

К тому моменту, как они покинули поселок и стали подниматься по дороге к перевалу, Тии уже почувствовали жжение в бедрах и пояснице. Сьюй сидела свободно, как дома на подушке, а мышцам Тии были привычнее долгие пешие переходы, и если уж совсем начистоту, поездки на попутных повозках, запряженных волами.

Хорошо еще, Почти-Блистательной нет рядом, некому потешаться надо мной.

Крутую и широкую дорогу через перевал Кихир с обеих сторон окаймляли густые таежные леса. В них водились призраки, которые не особенно заботили Тии, и разбойники, внушавшие больше тревоги. За время своего служения Тии довелось беседовать со множеством разбойников, но сейчас времена были голодные, и рисковать не хотелось. Однако людям, едущим на мамонте, не будут докучать ни люди, ни призраки, к тому же путешествовать таким способом Тии еще не случалось. Какой смысл быть служителем Поющих Холмов, если нельзя при случае прокатиться на мамонте?

Ощущение новизны постепенно улетучилось, но изумление не пропадало, и Ти́и, не обращая внимания на нарастающую боль в колене и пояснице, смотрели с высоты на окружающий мир, слушали, как звякают железные бубенцы на сбруе Пылук, и ежились, прячась за спиной Сью́й от ветра, дующего в лицо.

Ближе к полудню, или к тому моменту, который Ти́и по робкому серому свету определили как полдень, Сью́й остановила Пылук возле укрытия в густом сосняке, устланном валежником. Ти́и вздохнули с облегчением, предвкушая возвращение на землю, — но тут же встревожились, увидев, как Сью́й просто соскользнула прямо по боку мамонта и приземлилась с негромким возгласом на обе ноги.

— Мне тоже так надо? — спросили Ти́и, и Сью́й усмехнулась.

— Надо, если хотите поесть и пописать.

Ти́и хотели, поэтому с глубоким вздохом перебросили ноги на одну сторону, оттолкнулись и съехали по плечу Пылук. От удара об землю у Ти́и согнулись колени, их бросило вперед — прямо в ждущие руки Сью́й.

— Ну вот и умница! — жизнерадостно воскликнула Сью́й, а Ти́и застонали:

— Обращайся со мной как с ребенком сколько хочешь, только не отпускай!

Сыюй послушно повела Тици к укрытию, за-
слоненному от ветра деревьями. К счастью,
вскоре ноги у Тици немного окрепли, и они смог-
ли самостоятельно справиться с опорожнением
и омовением, а потом вернуться к Сыюй, кото-
рая сидела на вощенной парусине, растянув ноги
в почти безупречный шпагат.

— Мне тоже надо так сделать?

— Не повредит.

Тици удалось не рухнуть, а плавно опуститься
на землю; боль колола колено, которым они
цеплялись за рог на седле, и пронзала тело на-
сквозь. Сыюй, конечно, была гибче, но Тици ду-
мали, что у них тоже неплохо получается, пока
не увидели такую картину: дозорная повернулась
всем туловищем назад, совершив почти полный
оборот, и подтянула к себе сумку. Тици вздохнули,
обессиленно обмякнув на парусине, и приняли
у Сыюй пергаментный мешочек.

— Долго пришлось выработать такую
гибкость? — спросили Тици, пожевывая вяленную
тонкими ломтиками отбитую оленину из ме-
шочка.

— У меня она с детства сохранилась. Моя
семья служила в мамонтовых войсках со времен
Мэйань.

— То есть еще при династии Сюнь, так?

Сыюй пожала плечами.

— Мы не ведем счет от аньских правителей, — надменно заявила она. — Это было примерно двести лет назад.

Но на самом деле они долго придерживались аньской системы летоисчисления, а изменилось все лишь шестьдесят лет назад, когда пали оборонительные укрепления южан и мамонты северян устремились по горным перевалам. Империя навязывала северу свое видение времени, но вскоре после тех событий север напрочь забыл его.

Но Тии об этом не обмолвились ни словом, лишь с любопытством склонили голову:

— Это ведь долгий срок для военной службы, правда?

— Очень, — с удовольствием подтвердила Сьюй.

— И тебе не хотелось бы стать... ну, не знаю — чиновником во дворце, судьей, ученым?

Сьюй фыркнула.

— Вы что, лазутчик из Ингруска? Нет, не хотелось бы. Зачем, если у меня есть Пылук и я получу также первую дочь, которой она отелится?

О кавалерии на мамонтах ходили легенды, и именно поэтому, в числе прочих причин, ее воинам запрещалось держать государственные экзамены какого-либо рода или занимать посты выше окружных до тех пор, пока не пройдет три

поколения после службы в мамонтовых войсках последнего из их дальних родственников. Северные пределы полнились историями об убийствах, совершенных мамонтами, однако никто не отважился бы сказать, что повторно слушать эти истории скучно.

Наконец Сьюй с завидной легкостью поднялась и подала руку служителю. Уже направляясь к Пылук, дозорная вдруг остановилась и повернулась к Ти.и.

— Постойте-ка, а разве вам не положено быть вегетарианцами? Всем служителям-южанам...

— О, в Поющих Холмах за этим следят не очень строго, — туманно ответили Ти.и. — Нам разрешено принимать любую милостыню, где бы мы ее ни нашли. Отвергнуть искреннее благодарение гораздо хуже, чем ненадолго отказаться от ограничений своего ордена — так меня учили.

— Вообще-то у меня есть еще соленый сушеный ягель для...

— Я люблю мясо, а все, кто мог бы остановить меня, сейчас слишком далеко, — напрямик заявили Ти.и, и Сьюй усмехнулась.

— Это я запомню.

Потянувшись к седельной петле, Ти.и невольно застонали, но все же у них получилось за-

браться в седло, вызвав всего один смешок у Сьюй, что можно было считать победой.

Ветер кусал кожу Тии над высоким воротником овчинного тулупа. Это была изнурительная разновидность холода, и к тому времени, как солнце спустилось ниже верхушек сосен, Тии начали дрожать. Дозорная предложила пристегнуть их к седлу, но Тии отказались: не хотелось перетягивать тело ремнем, и даже если бы Сьюй позволила им упасть, на спине мамонта было не так уж и высоко.

Чем темнее становилось небо, тем больше набирал силу и злость ветер, и теперь, казалось, прорывался сквозь швы одежды. Тии вспомнилась особая горячка, порожденная холодом в заснеженных степях, которая заставляет человека раздеваться, чтобы облегчить боль от почудившихся ему ожогов. Краем глаза они улавливали краткие проблески света, вспыхивающие, словно искры от костра, прежде чем исчезнуть.

— Так высоко в горах есть светлячки?

— Кто?

— Маленькие насекомые. Они светятся, когда летают.

— Нет. Вы, наверное, увидели малый призрак. Они светятся, как костерки в чаще, потом всплывают в воздух, и их съедают звезды.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

